

С.Н. Тесля

Сочинский государственный университет (Сочи)

Экзистенциальные установки ландшафтно-ориентированной психотерапии

Предлагается проект ландшафтно-ориентированной терапии в контексте задач психолога-практика. Актуальные вопросы, стоящие перед психологом-практиком (как соотносятся «среда» и «ландшафт»?; какое значение придается понятию «ландшафт»?; как ландшафт связан с конкретным субъектом терапии?; как выстраивать логику взаимодействия консультанта с клиентом и планировать репертуар встреч?), решаются в контексте экзистенциальных установок гуманистической психотерапии. Дается интерпретация среды как поля отношений субъекта, опредмеченного в субъективности; субъективности как способности человека производить «место жизни». «Место жизни» вводится в качестве смысловой единицы ландшафта и конкретизируется в положениях: ландшафт – это взгляд, организующий образ; есть тело-образ человека; поведение, мысли и чувства – это пространство проживания субъекта, а субъективность (время, логос-ритм, энергетика переживания проживания, на «выходе») – оборачивающееся идеальной формой – ландшафтом. Субъективность имеет значение идентификационного критерия среды и может переводить среду в ландшафт благодаря смыслополаганию, сворачивающемуся в символ. В итоге ландшафт задается как пространство-время субъекта жизни, его бытие – мир, скрепляемый и очерчиваемый субъективностью и одновременно совпадающий с субъективностью, проявляющий субъекта жизни в поведении, мысли, чувстве как в собственной фактичности. Рассматриваются взаимосвязанные факторы ландшафтно-ориентированной психотерапии, опирающейся на проблематизацию телесности в экзистенциальном ключе: Фактор ландшафта; Фактор Пути; Фактор неожиданности; Фактор невербального плана Клиента; Фактор Метафоры; Фактор разговора «двух незнакомцев»; Фактор переживания Клиентом своей жизненной ситуации; Фактор архетипики.

Ключевые слова: субъективность; бытие; среда; ландшафт; тело; организм; субъект жизни; психотерапия; индивид; индивидуальность; личность.

Направленность ландшафтно-ориентированной психотерапии и задачи психолога-практика. Прежде всего консультант как психолог-практик должен ответить для себя на актуальные вопросы: как соотносятся «среда» и «ландшафт»?; какое значение придается понятию «ландшафт»?; как ландшафт связан с конкретным субъектом терапии?; как выстраивать логику взаимодействия консультанта как психолога-практика с клиентом и планировать репертуар встреч? Опуская подробный анализ понятия

«среда», но имея его в виду, приведем итоговый ответ на вопрос «что такое среда?». Это поле отношений субъекта, опредмечивающееся в субъективности, дающее «на выходе» субъективность.

Важно понимать, что отношение – всегда с обратной связью. Обратная связь и дает то, что мы называем субъективностью. Субъективность есть внутренний аргумент действий и поступков, поведения субъекта, в том смысле, чтобы они вообще состоялись как таковые, это как бы «вотум доверия себе». Это, безусловно, предельно связано с адекватностью поведения и мыслей, с их реалистичностью, фактичностью. Адекватность – это «уместность». Есть еще неадекватность, т.е. неуместность поведения и мыслей, когда косвенно звучит требование их «убрать», «изъять», «зачеркнуть». Адекватность, уместность – это почти оценка правильности и надежности поведения и мысли.

Может быть, нет этой точки отсчета, этого «идеала» адекватности? Может, то, что названо адекватностью, – это абрис, рисунок, композиция жизни или жизненной ситуации, *места* жизни? Адекватность поэтому проверяется не эффективностью поведения, а самим фактом его появления, обнаружения, как поведения? И субъект своей субъективностью как бы обрисовывает, впервые прорисовывает определенный участок своей жизни, имеющий право назваться, например, поведением, или мыслью, или чувством, и проявляться и закрепляться затем уже в вещных и вербальных формах, в образах и символах?

Прорисовывается субъективностью фрагмент своего «места» жизни. Это нарисованное «место» и есть ландшафт. Это «место» – *интимная зона себя*. Она обнаруживается в постоянном произведении поведения, мысли и чувства. Применительно к ландшафту можно выделить ландшафт как переведенное в образ чувство, ландшафт как переведенную в образ мысль, ландшафт как переведенное в образ поведение. Среда раскрашивается в эти чувственные, мыслительные и поведенческие цвета – образы ландшафта. Например, фольклор и искусство – фигуры ландшафта чувства. Город и архитектурная его планировка – конфигурации ландшафта мысли. Люди, путешествующие по земле по определенным маршрутам и в определенные пункты, где они как-то ведут себя, невидимыми пунктирами презентуют ландшафт поведения.

Системность ландшафта – его отличительная черта. Системность в том, что ландшафт – это взгляд, организующий целое – образ чувства, образ мысли, образ поведения, удерживаемый напряжением «всматривания». **Ландшафт – это взгляд, организующий образ.** Образ неотделим от взгляда, а сам взгляд – от того, кому он принадлежит. А принадлежит взгляд человеку. Человек «бросает взгляд», оборачивающийся образом, и пока он удерживает себя в этом взгляде, пока он помещает себя во взгляд, есть и образ. Во взгляде человек выносит себя «на кончик взгляда», как бы ощупывая собой образ, конституируя образ собой. В этом смысле ландшафт понимается как тело человека, парадоксальным образом бесплотное тело, тело-образ.

Итак, субъективность имеет значение идентификационного критерия «среды» и может переводить среду в «ландшафт». Среда как ландшафт порождается субъектом и сводится к самой фактичности поведения, мысли и чувства субъекта. Субъект как бы «сказывается» в поведении, мысли и чувстве. Поведение и др., собственно, и есть пространство субъекта, как его же среда и как он сам, а субъективность может быть понята как время, напряжение, логос-ритм, интенсив и энергетика среды, на «выходе» оборачивающаяся идеальной формой – ландшафтом.

Пространство как ставшее, опредмеченное – как поведение – и получает статус измерений социального субъекта: «индивид», «индивидуальность», «личность», если мы имеем в виду такой модус субъектности, как субъект (социальный), а именно: из социального сценария жизни психотерапевт «получает» клиента и его запрос на психологическое воздействие. Эти понятия выражают лишь «плотность», сплошность, пластичность этого пространства, его фигуративную «материю», представляют собой «средовые» спецификаторы социального субъекта.

Подчеркнем, что пространство, его геометрия не будут постоянными, неизменными, так же как и «напряжение» будет различным. Понятия «индивид», «индивидуальность», «личность» могут «схватывать» пространственную составляющую «среды»-субъекта, как бы составлять субстрат-геометрию, почву, землю субъекта и одновременно субъекта как почву, землю его «измерений». Все дело – в глубине.

Получается образ «среды» как пространства-времени субъекта, его *бытие-мир*, скрепляемый и очерчиваемый субъективностью и одновременно совпадающий с субъективностью, проявляющий субъекта в поведении, мысли, чувстве как в собственной фактичности.

Принимая социального субъекта в качестве «формы субъекта жизни» (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн), мы утверждаем, что только социальный субъект должен «быть субъектом», чтобы осуществлять свою субъектность – главный способ существования собой. Социальный субъект, будучи субъектом, становится вместо «человека» на престол субстанции. Его свойство «быть субъектом» – это атрибут, благодаря которому социальный субъект производит среду (модус). Но не всю «среду» как таковую (на что способен человек-субстанция), а лишь среду-объект (нет субъекта без объекта). Эта среда – рационализированное воплощение субъекта, вбирает когнитивные мотивы субъекта и его активность на уровне действия.

Среда-объект – это фигура тела социального субъекта, *конструкция*. В какой-то момент (это могут быть пограничная ситуация, кризис, депрессия, конфликт) эта конструкция начинает сдавливать субъекта и ломать его ресурсы, ее искусственность становится очевидной и больше не устраивает субъекта в силу именно своей неестественности, функциональной ограниченности, сказывающейся в требовании постоянно находиться в самоограничивающих рамках и нормативах жизни. Субъект смутно чувствует нарастающий бунт против среды-объекта, интуитивно ищет иного поля

бытия, где бы он мог быть свободно, не запрограммированно ролевым и предсказуемым. Одним словом, субъект ищет «ландшафт», еще не понимая, что может *конституировать* его сам собой, но что для этого требуется совсем немного, а именно перестать быть «субъектом», включиться, собраться и... увидеть себя в ином.

Ландшафт – иррациональное образование, субъективность воплощается в нем на уровне установок, желаний, чувств и переводится людьми в образы – на уровне представлений, а представления закрепляются и транслируются в символах. Ландшафт есть фигура тела человека. Как тело человека ландшафт свидетельствует перед человеком о собственном ему бытии, о ритме бытия, он есть его «конституция».

Первый шаг к корректной **постановке проблемы телесности** требует развести понятия «тело» и «организм». Различия этих двух понятий чувствуется уже в знаменитом вопросе Н. Винера: является ли искусственная рука механика, пытающегося починить автомобиль, частью механизма, с которым возится механик, или частью механика, занятого починкой? Ответить однозначно на этот вопрос не так уж легко. Поэтому введем дополнительный «инструмен(тарий)», известный как феномен «зонда сознания» (Н. Бор, А.Н. Леонтьев), для того чтобы передать смысл вводимых различий.

Фактичность, обнаруженная в феномене зонда, заключается в том, что человек, использующий для ощупывания предмета зонд, парадоксальным образом локализует свое восприятие не на границе руки и зонда (подобно ощущению животного), а на границе зонда и ощупываемого им предмета. Восприятие, таким образом, оказывается тем, что вынесено за границы биологического субстрата (организма), вовне, образуя ту реальность и ту целостность, которую мы и именуем телесностью.

Таким образом, «обладать телом означает для живущего срачиваться с определенной средой, сливаться воедино с определенными проектами и непрерывно в них углубляться» (М. Мерло-Понти).

Такая экспансивная активность сознания связана с процессами самообнаружения сознания, так как в своей «автореферентности» в «чистом виде» оно есть не что иное, как «дырка в бытии» (Ж.П. Сартр), и единственный способ обнаружить себя для себя – это опредметиться в своем ином, в форме тела, становясь телесностью. Ж. Делез говорит о том, что сознание «требует» тела. «Отчуждаясь» в телесность, сознание проясняет себя, о-плот(ь)-няется.

Ясно, что при таком рассмотрении тело и сознание не противопоставляются друг другу как две субстанции, а представляют собой единый хронотоп, который паритетно можно рассматривать как со стороны сознания, так и со стороны тела. Можно, например, сказать, что телесность – это процесс саморазвертывания сознания в, так сказать, пространственной проекции, о-пространствливание сознания. Но также можно сказать, что сознание – это энергетическая сторона присутствия, напряжение телесности, делающее ее живой, темпоральной.

Итак, поскольку телесность можно рассматривать как сознание-воплоти, уплотняющееся сознание, то предлагаем считать одним из гештальтов, несущих «нагрузку» сознания-воплоти, – «ландшафт».

В нашем понимании ландшафт настолько же отличается от окружающей среды, насколько отличаются тело и организм. «Окружающая среда» представляет собой внешний, анонимный, равнодушный субстрат (Hyle), «ландшафт-в-возможности».

В свою очередь, ландшафт есть пространство, *которое* человек рождает и проживает, переживая, это первое, с чем встречается субъект в восприятии «среды» как со стратегической задачей преобразования, и ландшафт – первое, что в нем запечатлевается (импринтинг К. Лоренца, обратная связь). Ландшафт – это пространство жизни и обживания, пространство, в котором укоренен субъект как «этот», ландшафт есть акт-продукт творчества человека как субъекта жизни. Ландшафт, презентуя содержание телесности, есть универсалия, обобщающая антропологическую константу, и в этом смысле «ландшафт» – понятие идеальное.

Как фрагмент тела ландшафт есть также и способ обнаружения человеком себя, это то, что даёт переживание себя как себя. Ландшафт – зеркало, всмотревшись в которое, субъект собирает себя и обретает свою идентичность. Говоря о том, что ландшафт – это о-плот(ь)-нившееся сознание, т.е., собственно, сознательный феномен, надо сказать и о том, что «сознательный» не всегда значит «осознанный», ведь «люди могут жить в ландшафте, не соотносясь с ним как таковым (как могут жить в истории, этого не ощущая)», и только ландшафт как осознанный феномен вверяет человеку его идентичность, является почвой его самосознания.

Отталкиваясь от рассмотренных выше экзистенциальных установок, проанализируем несколько взаимосвязанных факторов ландшафтно-ориентированной терапии.

1. Фактор ландшафта. *Ландшафт-фактор* терапии связан с предваряющим первую встречу выбором места встречи. Сам такой выбор предполагает определенную диагностику клиента, позволяющую составить предваряющую выбор места когнитивную карту запроса клиента. Критериальная матрица когнитивной карты включает узловые точки, в которых концентрируются «измерения» социального субъекта: «индивид», «индивидуальность», «личность». Предполагается, что в процессе диагностики может быть выявлен ведущий ресурс субъекта, который даст возможность адекватного понимания не только запроса клиента, но и стратегии консультативной работы с ним [1. С. 8–64]. Немаловажным для такой карты являются понимание терапевтом текущего эмоционального состояния клиента и прогнозирование желаемого эмоционального отклика и эффекта, которое может переживать клиент, попав в ландшафт встречи с психологом-практиком.

Таким образом, задача психолога-консультанта на этом, организационном, этапе – обдумать и составить сценарий-репертуар «места встречи» (проект и действительность). Понятно, что это может быть не одно место,

а несколько. И все эти «места» возможных встреч должны быть инспектированы заранее с целью составления психологических карт таких мест. В этом смысле терапевт – ландшафтовед. Соответственно, тема и направленность его «поисков» – город и пригород как место терапии.

Итак, прежде чем встреча состоится, она должна быть «спланирована», назначена и организована. Но выглядеть это «назначение» должно не как волевой императив, но как «установка», которая может корректироваться в зависимости от мнения клиента, который, благодаря его подключению к выбору из предложенных вариантов, включает свой волевой, иницирующий встречу фактор. Встреча становится ожидаемой и привлекательной, а не обязывающей и навязываемой.

2. Фактор Пути. Установка психолога-практика: ландшафт – это не какое-то фиксированное место (столик в кафе, лавочка в парке, остановка автобуса и т.п.). И «встреча» – это не проксемика общения. И ландшафт, и встреча – это процессы, рассеивающиеся в пространстве города и простирающиеся, возможно, на несколько километров, если говорить «географически-геометрическим» языком, и которые должны быть помыслены консультантом как символическое пространство, способное «втянуть» клиента в себя и вернуть его «к себе». А именно в возвращении к себе, в снятии отчуждающих от себя, мы видим исток беспомощности клиента. Одновременно путь должен снять с клиента знакомую ему маску самопрезентации, приоткрыть ему иную возможность самовосприятия и самочувствия.

Таким образом, «Фактор Пути» тесно связан с моделированием жизнеутверждающего настроения и в этом смысле есть своего рода психологический аналог «заговорного текста», столь важного в системах целительства, например в балто-славянской заговорной традиции.

В.Н. Топоров, отечественный ученый, филолог, глубокий и интересный мыслитель, так писал о заговоре, анализируя индоевропейскую заговорную традицию: «Заговор принадлежит к тому роду текстов, который характеризуется живым и наиболее действенным видом слова» [2. С. 3].

Сознавая всю поверхностность нашего «дополнения» к его замечательному исследованию, все же предложим свой «велосипед» – вариант интерпретации русского заговорного текста, во многом опираясь на авторитет Топорова, но предлагая отнестись к заговору не просто как к выражению языкового сознания народа [3. С. 11], но как к языковой практике, благодаря которой нарабатывается опыт идентичности и, главное, становится осознанным переживание энергийного эффекта этого опыта. Именно в таком, «практическом», понимании заговора можно усмотреть *«бытийственно остронапряженный с м ы с л, ради выражения которого заговор как таковой и существует»* [Там же].

Достаточно заглянуть в коллекцию русских заговорных текстов Л.Н. Майкова [4], чтобы убедиться, что заговоры есть на все случаи жизни и от всех напастей, действительных либо возможных. Словесные формулы-заклинания выстраиваются в причудливый узор, напоминая сеть-паутину, в центре которой – физическое тело: детское, страдающее, сла-

бое, старческое, которое само или по поводу которого и вместе с которым знахарь совершает магические и ритуальные действия, но где вместе с тем, тело-организм, как бы отодвигается и уступает место смысло-слову, нацеленному на «себя». Путь к себе и вытягивает к подлинному телу, слитому с собой, единому, а потому – бессмертному.

Главная интрига заговора закручивается вокруг двух «героев», которые живут в каждом из нас, но только один из них нам хорошо знаком. Речь идет о «я» и о «себе». И тот, кого мы «предпочитаем» и знаем, – конечно же, «я». «Я» въедается в душу настолько плотно и глубоко, что кажется, оно и есть «себя» или его синоним. Привычно звучит: «Я себя хорошо чувствую» или «Я приглашаю вас к себе», и часто не приходит в голову, что «я» может быть «здесь», а «себя» – «там», что они как-то отстоят друг от друга в невидимом разделении. Но невинная игра слов покажет, что «я» и «себя» – не одно и то же. В самом деле, вспомним, как Г.В.Ф. Гегель высказывается об «истине»: «истина это в себе для себя». Давайте поставим вместо «себя» – «Я». Получим: «истина – это в “я” для “я”». Не правда ли, смысл выражения изменился, и от «объективного идеализма» Гегеля не осталось «камня на камне», а возник крутой индивидуалист-эгоцентрик с манией величия?! Да и «истина» как-то померкла...

Если говорить научным языком, в конструктах «я» и «себя» задействованы два разных контекста, но которые, тем не менее, уместаются в одном индивидууме. Один контекст – социальный, социогенетический, и ему соответствует конструкт «я». Другой контекст – этногенетический, культур-этносный, и ему соответствует конструкт «себя». Получается, что именно через «себя» и «я» в каждом из нас представлено огромное социокультурное поле чувств, мыслей, действий, ценностей, предметов, людей, и часто они друг с другом не согласуются, входят в противоречия, конфликтуют или конкурируют за «первенство» в нашем личном мире. И, как ни странно, болезни и фобии связаны с преобладанием «яйных» мотивов, как это имеет место в шизофрении, например, включающей и аутистические акцентуации, и нарцисстические мотивы, и экстернально-интернальные гротески, и агрессивность – все, что связано с вечно уязвимым «я».

Заговорная традиция как раз и работает с «я-комплексом», активизируя в человеке подавленного или не актуализированного «себя». Другими словами, заговор «сражается» с «социальным детерминизмом», призывая на помощь «всех святых» в вот-происходящую ситуацию, восстанавливая чувство собственного достоинства в «маленьком человечке», если смотреть на него с точки зрения статусно-ролевой иерархии. «Речь идет, – пишет в этой связи В.Н. Топоров, – о совмещении в едином заговорном тексте противоположных явлений», в перечне которых он называет «*священное и профаническое*», с одной стороны, и простого «грешного» имярека – с другой [2. С. 7].

При этом важно понимать, что заговорный текст – это естественный языковой аналог («маркер») повседневного бытия, которое в данном случае может быть интерпретировано в терминах поступка и судьбы. Более

того, заговорный текст, с его специфическим настроем на чудо исцеления (вообще чудо какого-либо эффекта, достигаемого магической силой слова), позволяет лучше понять, как в близком (каковым по преимуществу привыкли считать повседневный мир) умещается далекое, образуя единую сплошную линию событийности жизнестроя здорового человека. Именно единство далекого и близкого в целости жизнеосуществления и открывает глубинный смысл повседневного опыта как исполнения бытия собой для себя, а в заговоре он моделируется символически.

Заговорный текст привлёк внимание, прежде всего, в связи с проблемой смыслопорождения (смыслополагания) в повседневном, обретающем ритм и конфигурацию заговора. Виртуальный мир заговора разворачивается в космогоническом плане: путь от Хаоса (дисфункции организма больного) к Космосу (возвращению целости-здоровья), который на деле оказывается *переходом* (и в заговоре специально делается акцентация именно перехода «от – к»), на долю перехода приходится большая часть заговорного текста) хаоса в космос.

По сути дела, в заговоре знахарь заставляет больного совершить *по-ступок*. Это – уже само по себе выдающееся «достижение» заговора. Но это еще и поступок, сопряженный с необходимостью преодоления своей явной самости, своей боли и замкнутости на болезни-организме. Интересно рассмотреть ступени такого судьбинного поступка, судьбинного, поскольку речь в заговоре идет о жизни, стоящей на краю (мы имеем в виду, конечно, «сильный» случай как мотив заговора). Возьмет ли человек свою жизнь в свои руки или позволит ей ступить за край – это и проверяется в ходе заговора.

И те качества, которые требуются от человека и которые призван моделировать знахарь, связаны не с его субъективностью, которая всегда сокрыта от взгляда другого. Качества, проектируемые знахарем, связаны с умением встать над ситуацией своей болезни, с одной стороны, и *довестись* естественному ходу-пути-исходу из собственного тела-организма к себе целостному-духовно-телесному – с другой.

Как возможен такой исход и одновременно – возвращение?

По аналогии с этой сюжетной стратегией заговора мы предполагаем построить суждение и о идее «повседневного» как «месторазвитии» себя. Основанием такой аналогии поступка, выполняемого в заговоре, и повседневности является факт телесной включенности и участия человека как в заговоре, так и в повседневности. Причем как в заговоре, так и в повседневности тело как бы не осознается, отчуждается от человека, становится виртуальной реальностью. Поэтому если попытаться рассмотреть логику поступка в заговоре, то мы увидим и логику повседневного, если таковая имеется. И через эту коннотацию «сказочное» (в нашем случае заговорное) и «обыкновенное» соприкоснутся, образуют один ландшафт идентичности. Подчеркнем, что логика эта формализует отношение человека к самому себе, так что правомерно назвать ее *логикой причастия, или соучастия*.

Обращение к поступку, сокрытому именно в заговорном тексте, не случайно, поскольку, как и всякий текст, заговор имеет свою структуру. Эта структура не существует в чистом виде. Она тесно переплетается с ритуальным действием, телесными манипуляциями исполнителя заговора. Направленность же ритуального действия заговора – достичь гармонии внутреннего и внешнего, а следовательно, можно говорить о некоторых последовательных, а значит, логических шагах поступка-исцеления.

Первый шаг причащающего поступка начинается еще у постели больного, в тот момент, когда знахарь проектирует (своего рода мысленный эксперимент) начало возвращения больного к себе. Оно связано с неким страдательным состоянием субъекта: ему предстоит расставание со своей самостью. Расстаться – значит оставить все «личное» и повернуться к неизведанному. Одним словом, к ничто, к я-пустому («я – никто»).

Однако такой шаг подразумевает и первое обнаружение себя – на контрасте с полным, предельным самосознанием и болезненным самоощущением, переживая опустошение. Подчеркнем, что при всей переживаемой пустоте «Я» и всплывает то сокрытое, что ранее не воспринималось как «отдельное» от «я». Но теперь кто-то невидимый берет «бразды правления в свои руки» и «позволяет» с предельной интроспективной очевидностью испытать сомнение по поводу очевидности собственного присутствия. «Я»-«никто», становясь все незримее, последний раз болезненно прощается с «обжитым местом» (организмом). И организм в ответ откликается болью. В результате возникает плохое самочувствие больного, своего рода рецидив болезни, та самая пустота, которая и есть предвосхищение иного – себя. Это негативное обнаружение утраты самости, «я», толкает в *путь*, навстречу себе, но уже полному (здоровому, целому).

Второй шаг. В заговоре есть один неизменный мотив: после упоминания имени больного называется место его нахождения в данный момент заговорного действия – этим местом оказываются изба, дом, замкнутое пространство. Вслед за этим словесно осуществляется выход из дома, в сени, во двор, со двора, из ворот – и начинается собственно путь. Характерная черта продвижения по пути – устремленность *навстречу*. В.Н. Топоров подчеркивает эту особенность заговора: путь навстречу не имеет цели, это и не движение навстречу «к», и не навстречу «от». **Сама направленность на встречу**, интендирование встречи выходом за «границу», выступает самоцелью.

Почему именно такая линия заговорной традиции оказывается терапевтически результативной?

Вернемся к началу пути – к пустоте, или к «ничто», в которой «я» оказалось «ником», истощенным. Опыт классической рефлексии подсказывает, что коррелирует ничто – бытие. Если воспринимать гегелевскую триаду «чистое бытие-ничто-становление» как синтетическое единство, то бытие можно понять как воплощение ничто. И смысл этого воплощения хорошо раскрывается в заговоре: это тернистый путь безымянного воплощения, проходя которое, индивидуум переживает некую психологическую

дискретность, нечто отделяющееся, фиксируя присутствие себя в своеобразном «предмете».

Этим «предметом» оказывается психологическое качество, «проснувшееся» в больном, – некое напряжение, усилие. Возможно, это – будущая когнитивная структура, но первоначально оно напоминает восприятие, удвоение. Образно говоря, можно назвать этот модус восприятия «морганием-повтором». Повтор, удвоение – важнейшая составляющая заговора. Он может быть представлен как закон и логики (участия) повседневного. Посредством моргания-повтора происходит от-деление состава «окружающего», доселе размытого, в Вещь. А через Вещь образуется обратная связь с собой, теперь уже тоже различным, как бы уплотняя себя всем, теперь видимым, или «действительностью». Становится «взгляд», которому предстоит «увидеть», организовать единое – мир.

Третий шаг. Однако путь не окончен, «моргающее ничто» продолжает идти, как бы все время себя повторяя, сначала неосознанно, но с каждым разом все «зримее» для себя: в противоположность сказочному клубку, который указывает путь, раскручиваясь, в заговоре «клубок» скручивается из неприметной выпрямленной нити, и герой идет не вперед, налево или направо, а, подобно левитирующему, вздымается ввысь, над поверхностью.

Куда путь держим? – Заговор раскрывает: к само-захвату, и это оказывается первым осмысленным действием самого себя. Такой захват подобен само-поеданию. И действительно, что является венцом восприятия? – Восприятие, усвоение, присвоение, приятие. Но когда что-то усвоено, разве оно не становится вследствие этого ближе самому себе, буквально перемещаясь в себя? – Становится, другими словами, душа больного ближе себе, уже не пустая, уже «испробованная», воплотившаяся и усвоенная. Уже она может получить первичную смысловую «метку» и быть названа – «мое». И все это – через и благодаря *встрече, размыкающей границы самозамкнутости* (в заговоре маркеры этих узловых пунктов – символические персонажи, встречающиеся больному на пути: заяц, медведь, семь братьев, Тихон-святой).

Однако путь не окончен, заговор продолжается, следовательно, и «себя» не получило еще полноты определения.

Решающий шаг. Кульминационный момент в заговоре наступает тогда, когда исполнитель заговора и больной переходят в экстатическое состояние переживания почти сакральной близости с иным миром. Скорее всего, это одна из форм измененного состояния сознания, достигаемая колоссальным физическим усилием и духовным напряжением, базирующимся на ритуальном действе. Как бы пропитанные живой аурой встреч, участники заговора прорываются на простор («чисто поле», «морюкиян»), где и происходит реальная телесная гармонизация и единение организма и вселенной, космоса, мира, собранного коллективным усилием и стремлением.

Ипостась души – «мое» – на этой стадии заговора перевоплощается. То, что получается в итоге, на просторе, можно по праву назвать «произве-

дением» (Хайдеггер). «Произведение» – это не просто объективация «моего». «Произведение» становится желанием, личностной проблемой, осознаваемой и чувствуемой как желание оправдания себя. При этом оправдание и произведение будут таковыми в том случае, если удастся удостовериться, что за «моим» стоит всеобщее, как перспектива продолжения в себе простора для себя.

Этот Зов всеобщего приобретает форму мистического усилия вспоминания себя, или иначе – актуализирует *традицию*, размыкая индивидуума к иному масштабу соотношения, нежели это имело место при «действующем» «Я». Масштаб соотношения есть пространство выбрасывания смыслов. Суть соотношения видится в способности осмысливать мир, а результатом выступает мировидение, фундирующее себя.

Пространство смыслов держится и расширяется благодаря вспоминанию. Последнее следует понимать как темпоральность, как способность постоянно во-с-производить смыслы.

Такое усилие вспоминания себя, как желание, как основание тождества с собой, становится неустранимой составляющей поступка повседневности, ритмизирующего «обыкновенный» ландшафт бытия в рельеф ритуала.

С технической точки зрения Фактор Пути предполагает со стороны психолога-практика определенную предварительную работу с «данными» клиента. Для этого надо знать заранее:

- место жительства клиента;
- откуда пойдет клиент;
- какое время суток для клиента оптимально (биологические часы клиента);
- режим дня / питания клиента;
- хронофармакологию клиента и отношение клиента к врачам / медицине (здесь предстоит «сбивать» ритм привычек).

Клиент и терапевт должны быть в «паритете»: оба должны **идти** на Встречу. Не клиент идет к терапевту, а терапевт ждет клиента. Это – властная расстановка: если идет только клиент, то в этом промежутке «между» собой и терапевтом он **готовится** быть слабым, уязвленным и возникают дополнительные трудности для контакта. Если идут оба и клиент знает о «пути» терапевта, он уже начинает думать о возможностях Встречи и о результатах ее ИНАЧЕ, чем если бы он шел по заранее известному ему маршруту для того, чтобы в официальной обстановке сесть в удобное, но казенное кресло.

3. Фактор неожиданности. Важно: «идти туда, не знаю куда» – метафора «выхода» за границы данного к возможному (к «еще»).

Благодаря этому у клиента разбивается изначально (уже) сложившийся стереотип самовосприятия своего «затруднения».

Согласие «идти туда, не знаю куда» (см.: *Пропн В.* «Исторические корни волшебной сказки») со стороны клиента и терапевта избавляет от

«схематизма» восприятия клиента со стороны терапевта, и терапевта со стороны клиента в оппозиции сильный – слабый, здоровый – больной.

4. Фактор невербального плана Клиента. Психологу важно заметить, каким клиент явится на Встречу. Место диктует внешний вид (проективные способности и уровень самоконтроля клиента). Явное несоответствие должно быть отрефлексировано клиентом с помощью терапевта. И наоборот, терапевт может прийти в «несоответствующем» виде и наблюдать отношение к этому факту клиента. Начинается интерактивная игра в самонаблюдение, предполагающая обострение внимания к Другому и к себе самому.

5. Фактор Метафоры. В контексте этого фактора хорошим подспорьем психологу-практику может стать СиМ – психотерапевтическая система Символического моделирования. Идея и разработка ведущих концептов СиМ принадлежит новозеландскому исследователю Дэвиду Гроуву (ум. 2008), опиравшемуся на психоаналитические установки и НЛП.

В 80-е гг. прошлого века он совершенствовал клинические методы лечения травмирующих переживаний у клиентов, особенно связанные с жестоким обращением с детьми, изнасилованиями и кровосмешением. Он заметил, что множество клиентов естественным образом описали свои симптомы в метафорах, и обнаружил, что когда он спрашивал их, используя правильные слова, их восприятие травмы начинало меняться. Это заставило его создать Чистый Язык, способ задавать вопросы о метафорах, которые не загрязняют и не искажают эти метафоры [5]. Теория и практика СиМ была опубликована в 2000 г. в их книге «Metaphors in Mind» и продемонстрирована на DVD «А» [6, 7].

СиМ ориентирована на способ задавания вопросов с таким подходом, чтобы помочь человеку самому проявить свои ресурсы, оставляя за психологом только роль фасилитатора, создающего рабочее пространство, в котором можно лишь направлять внимание «клиента», а все остальное он «сделает сам» (О. Матвеев). В этом смысле СиМ можно назвать разновидностью «психологического айкидо». Более того, как считают adeпты СиМ, оно позволяет смоделировать любую психотерапевтическую технику. Причем клиент моделирует сам такой «выход», который не предполагался психотерапевтом [7].

Создатели чистого языка и символического моделирования обратили внимание на то, что в большинстве случаев, когда человек пытается рассказывать о чем-то абстрактном, он так или иначе рано или поздно прибегает к метафорам, т.е. пытается что-то абстрактное объяснить в терминах чего-то конкретного, использует какие-то сравнения, сопоставления.

С помощью метафоры «достигается эстетический эффект выразительности, прежде всего, в художественной, ораторской и публицистической речи» [8. С. 446]. Аппелляция к смыслам слов и преобразование смысла одного слова за счет другого – средство достижения эффекта эмоционального переживания или убеждения [9; 10. С. 387–415].

В свете когнитивного подхода метафора – это элемент «механизма когнитивно-дискурсивного моделирования» [10]. Проекция одной концептуальной области на другую, в результате которой происходят захват и освоение ими новой области – области цели. Метафорой в этом случае можно считать любое языковое выражение с переносным смыслом – половицу, идиому, притчу и даже целый роман [11. С. 73].

В 70-х гг. XX в. П. Рикер отмечал, что метафора способна изменить видение мира, способ восприятия вещей [12. С. 425].

Н.Д. Арутюнова отмечает, что поскольку человек способен улавливать общность между конкретными и абстрактными объектами, материей и духом, человек не столько открывает сходство, сколько создает его [13. С. 8–9]. Метафора является ключом к пониманию основ мышления и процессов создания ментальных представлений о мире.

В этой связи особое внимание следует обратить на важность названия подхода – «символическое» моделирование. Казалось бы, более корректно говорить о «метафорическом» моделировании. Или же считать «символическое» и «метафорическое» синонимами. Действительно, то общее, что присуще и «символу», и «метафоре», – это «контекстуальность» смысла, вкладываемого в символ либо метафору. Истолкование символа есть диалогическая форма знания: смысл символа реально существует только внутри человеческого общения, вне которого можно наблюдать лишь пустую форму символа [14. С. 607]. О метафоре Макс Блэк пишет в том же духе: «Существует бесчисленное множество контекстов... где значение метафорического выражения должно реконструироваться с учетом намерений говорящего (и других частностей)... Вычленение и интерпретация метафоры может нуждаться в обращении к особым обстоятельствам ее произнесения» [15. С. 157]. Системный подход к анализу типологических особенностей метафор Дж. Лакоффа и М. Джонсона был бы просто невозможен без учета широкого эмпирического и культурного контекста [10. С. 387–415].

Таким образом, отличие символа и метафоры можно увидеть в масштабности и диапазоне контекста, в который они в равной степени включены: символ «нуждается» в «целом», метафора – в «частностях», символ указывает на «стратегию», метафора – «тактична», но в обоих случаях речь идет об отношении – символическом или метафорическом – человека к его «окружению», об активном «делании» этого «окружения», не сводимого к рационально представимым структурным «единицам», задаваемым извне. Такое отношение фундирует культуру как собственно человеческий способ бытия. Но если «символ» способен охватить опыт бытия на уровне универсального обобщения, то метафора относится большей частью к актуальному в данный момент ситуационному контексту. Поэтому символическое моделирование, «делая ставку» на метафору, ориентирует человека на самораскрытие себя в полноте культурного самобытия «здесь-и-сейчас».

Когда у человека появляется шанс открыть самого себя в «чистом окружении», он начинает ценить свой личный опыт совсем по-другому –

вероятно, впервые вставая лицом к лицу с тем «я», которое он сам создал, – безо всяких примесей от других присутствующих при этом. Это весьма уникальное и возвышенное переживание [10].

СиМ, используя *модель «метафоры»*, помогает проявиться положительным и отрицательным состояниям человека в форме конституируемого самим человеком (будем называть его «клиент») «метафорического ландшафта», когда метафора «делается психоактивной», давая возможность отобразить собственные переживания (О. Матвеев), в результате чего клиент сам добивается коррекции проблемной ситуации, открывает новые горизонты самореализации.

Используя собственные точные метафоры в качестве сырого материала для процесса моделирования, клиент строит живой, динамичный, четырехмерный мир внутри и снаружи себя – метафорический ландшафт. Во время Символического моделирования начинают развиваться его метафоры. По мере того как это происходит, меняются его обыденное мышление, чувства и поведение [16].

Главное, что хотелось бы подчеркнуть, символическое моделирование, не являясь формой научного дискурса, на наш взгляд, вводит клиента в ритм «художественного произведения», как автора включает в пространство искусства, поскольку клиент буквально создает, творит «художественный текст» на уровне инсайта и напрямую попадает в поле культуры. А в поле культуры, как известно, рождается *желание*, в котором завидное место (по сравнению с потребностью) занимает идеалопологающая интенция.

Значение и эффективность СиМ, на наш взгляд, в том и заключается, что во время диалога, в процессе которого производятся метафоры, и после сеанса человек занят и увлечен производством желания – жить, работать, радоваться, или, наоборот, с негативной валентностью – «все бросить», «уйти», «печалиться». В моделировании человек является создателем модели – моделлером. В СиМ моделируются человеческие восприятия и переживания в основном посредством слушания метафор, и это дает возможность исследователю понять, как люди организуют воспринимаемые ими время и пространство [17].

Символическое моделирование, опираясь на произведение метафоры клиентом, должно быть интерактивным диалогом, а не монологической речью. Дословное воспроизведение, повторение фраз клиента психологом [18. С. 99–132] не просто «локализуют» переживание клиента, но, главное, дают ему почувствовать, что его реальность разделяется психологом, что это – их общая реальность, что «мы – вместе». И, как следствие, осознание собственных переживаний окажется коллективной работой психолога и клиента, результат которой повлияет на обоих.

Тем не менее важно помнить и понимать, что «диалог, в котором осуществляется постижение символа или метафоры, может быть нарушен в результате ложной позиции истолкователя (психолога). Такую опасность представляет собой субъективный интуитивизм, со своим “чувствованием”,

как бы вламывающийся внутрь символа, позволяющий себе говорить за него и тем самым превращающий диалог в монолог. Противоположная крайность – поверхностный рационализм, в погоне за мнимой объективностью и четкостью “окончательного истолкования” устраняющий диалогический момент и тем утрачивающий суть символа» (С.С. Аверинцев) [14. С. 607]. Поэтому, стремясь соответствовать роли «фацилитатора», следует стараться, как это делает в демосессиях О. Матвеев, «не задавать вопросов по поводу самих метафор», но «концентрироваться на описаниях», стремясь к тому, чтобы у «клиента» «родилась полностью разработанная метафора».

С технической точки зрения психолог-практик должен иметь в виду следующие моменты:

1. Место отвлечет клиента от его проблемы. Что это будет? Здесь возможны варианты:

- он «забудет», зачем пришел (провокалотерапия);
- он будет «отодвигать» ландшафт и не придавать ему значения (фон и фигура), весь охваченный своей проблемой и желанием говорить только о ней;
- он будет занят только собой и не будет обращать внимания на терапевта, когда тот «увязнет в луже»;
- он не сможет выйти на разговор о «проблеме», поскольку все время будет отвлекаться на окружающее (самооценка);
- он полностью переключится на «место». Перестроится.

Итак, место начинает «строить» клиента, так как оно событийно неоднородно, контекстуально. Метафоричность в том, что клиент, попадая в «место Встречи», должен обнаружить / не обнаружить степень своей социальной адаптивности к «незнакомым» обстоятельствам и соответственно этому *повести себя*.

Так, довольно просто можно выявить степень аутизма или, наоборот, аутогенности клиента. Понять: **в нем проблема?** Или **с ним проблема?** Отсюда – выбор метода работы в дальнейшем.

Таким образом, «место» – это моделируемая жизненная ситуация клиента и «блеф» и риск терапевта. «Место» – проверка поглощенности клиента своей проблемой. Цель – выяснить, насколько клиент эгоистичен. Если «эгоист», то отношение Я – Другой вступает в силу и можно с клиентом играть в «Другого».

6. Фактор разговора «двух незнакомцев» (клиента и терапевта). Предлагая для себя маску Другого, терапевт разворачивает к этому Другому и замкнувшегося в своей яйной проблеме клиента. В случае эмпатийной удачи оба – и клиент, и консультант – преобразуются в двух Других, которым «позволено» то, что в голову не пришло бы ни одному из них, останься они в границах ролевой диспозиции клиент – терапевт. А вместе со сменой масок преобразуется и интерпретация, язык, на котором клиент говорит о проблеме. И место здесь играет едва ли не ключевую роль: будет ли это берег реки или моря – имеет значение для выбора воображаемого Другого и воплощения в него, если клиент – реалист. И парадоксальный

диссонанс места и Другого может быть очень продуктивным приемом высказаться начистоту или поводом профанирования «тяжести» проблемы, если клиент обладает достаточным чувством юмора или романтик по натуре. Например, представьте себе, что едут в поезде две лягушки. Они повстречались случайно, но сразу же почувствовали, что они – «свои» и в то же время ничего друг о друге не знают, но что именно поэтому можно поделиться друг с другом и «поболтать о том о сем». Каким оказался бы текст о своей проблеме одной из лягушек в поезде дальнего следования?

Естественно, чтобы преодолеть «искажения» терапевта в восприятии им клиента, терапевт должен проделывать много манипуляций, чтобы «добраться» к «чистому» клиенту, который изначально тоже по-всякому скрывается от терапевта:

- проверяет терапевта / лжет ему;
- не замечает терапевта / преувеличивает свои проблемы;
- боится терапевта / замыкается и отвечает только на вопросы терапевта;
- снисходит до терапевта / рассказывает только «белое» о себе и «черное» о других;
- насмехается над терапевтом / нагнетает «ужасное» положение, в котором находится;
- не критично и сразу (пассивно) воспринимает терапевта как властную инстанцию и вообще ничего не может ему сказать.

7. Фактор метафоры как ландшафта переживания Клиентом своей жизненной ситуации. ЭХО-терапевт.

Сейчас психотерапевт в основном отталкивается от интроспекции и самоотчета клиента. Ставит «диагноз» со слов «больного». То есть не наблюдает клиента вне коммуникативного акта с самим собой (с терапевтом). Но здесь неизбежны искажения в ходе получения информации от клиента, или же терапевт впадает в «грех»: «вести» клиента самому и спрашивать только то, что может спросить он, терапевт, у клиента. Поэтому терапевту предстоит стать эхом клиента, его тенью, и тем поставить клиента лицом к собственному переживанию своей жизненной ситуации. Свободное течение метафор клиента сформирует ландшафт переживания как его собственный взгляд на проблемную ситуацию, в то время как психолог будет невидимой эхо-тенью сопровождать это ландшафт-путешествие.

Аксиома. Клиент «выздоровеет» только в том случае, если *сам* это сделает. Через «эхо» клиент впервые слышит себя, имея себя-при-себе, при этом. Но, благодаря Эхо-терапевту, клиент уже воспринимает все, о чем повествует, как «след», как «прошлое», «произошедшее» (в привычном смысле «прошлого»).

Терапевт будет задавать «чистые вопросы» до тех пор, пока будет чувствовать за собой способность оставаться и быть «эхом» клиента, давая клиенту возможность обрабатывать информацию о себе самом. Пока – только обрабатывать информацию! И избавляться от нее (что важно для клиента).

Однако в какой-то момент терапевт перестает задавать вопросы – когда клиент переходит к метафоре о себе (СиМ).

Это может быть сон, сказка, фэнтези, неважно. Главное – клиент начинает *производить* новую информацию. С этого момента терапевт должен принять этот «второй мир» клиента и начать жить в нем вместе с клиентом. Вопросы терапевта – уже не по поводу проблемы клиента, они сопрягаются с ландшафтом внутреннего мира клиента, с его символическим планом жизни. Очень важно, как будет организовано внешнее пространство, чтобы состоялся переход к символическому плану клиента. В этом контексте повышается роль мизансцены и «декораций», в которых, на наш взгляд, не должно быть много деталей и мелких вещей.

8. Фактор архетипики, фактор свободы.

Предвосхищаемый результат всей консультативной работы – расширение клиента, размыкание клиента («отверзание уст» в сказке – В. Пропп, «синергия как антропологическое размыкание человека» – С.С. Хоружий).

Архетип-фактор. Этот фактор, если на него выйти, и исцелит клиента, снимая дихотомию внутреннего и внешнего (К. Юнг о синхроничности), позволяя родиться заново и дышать свободно в расширяющемся ландшафте дополнительных смыслов. Однако такому рождению предшествует символическая «смерть» клиента: «клиент» должен «умереть», его ролевая аура – развеяться, а на освободившееся место заступить то «целое», «все и сразу», которое больше суммы частей и которое переживается как иное.

Таким образом, «до» ландшафтно-ориентированной психотерапии клиент – фрагментированный и оцифрованный субъект. «После»: клиент – ни уже, ни еще не «клиент», но человек, включивший в себе «стремление к...» (В.В. Розанов) как ритм становления собой.

Заключение

Таким образом, место встречи должно стать местом символической «смерти» клиента. Терапевт должен организационно содействовать конституированию клиентом по-ту-стороннего пространства-времени. Только умерев как клиент, субъект достигнет исцеления. Осознанное переживание этого «факта» несет значение экзистенциального события, проживаемого в творчестве фигур ландшафта.

Литература

1. Тесля С.Н., Исаченко А.Ю. Структура психологической модели субъектности социального субъекта (ПМСС) // Психология опасности и безопасности : в 2 кн. Книга вторая : Психологические модели субъектности и безопасности социального субъекта (Ч. 3, 4) / под общ. ред. С.Н. Тесля, И.Б. Шуванова. Сочи : РИЦ СГУ, 2012. 308 с.
2. Топоров В.Н. Об индоевропейской заговорной традиции (избранные главы) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М. : Наука, 1993. С. 3–104.

3. Кацуба Л.Б. Своеобразие национально-культурных моделей строения паремнологического текста // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. 2009. № 25. С. 11–17.
4. *Великорусские заклинания* : сборник Л.Н. Майкова. СПб. : Изд-во Европейского Дома, 1994. 216 с.
5. Lawley J., Tompkins P. Metaphors in mind: Transformation through symbolic modelling. L., 2005.
6. URL: <http://gnosis.info/index.php?q=node/2823>
7. URL: <http://video.yandex.ru/users/olegmatv/tag/>
8. *Литературный энциклопедический словарь* / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М. : Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
9. Калашиникова Л.В. Метафора как механизм когнитивно-дискурсивного моделирования действительности (на материале художественных текстов) : дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2006. 409 с.
10. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 387–415.
11. Алексеев К.И. Метафора как объект исследования в философии и психологии // Вопросы психологии. 1996. № 2. С. 73–85.
12. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры : сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюнова. М. : Прогресс, 1990. С. 416–434.
13. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюнова. М. : Прогресс, 1990. 512 с.
14. *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев и др. М. : Советская энциклопедия, 1983. 836 с.
15. Блэк М. Метафора // Теория метафоры : сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюнова. М. : Прогресс, 1990. С. 153–172.
16. URL: <http://ability.org.ru/index.php?showtopic=1066>
17. URL: http://www.knowhowmed.org/service_clear_language.php
18. Якобсон Р. Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Работы по поэтике. М. : Прогресс, 1987. 461 с.

Поступила в редакцию 15.10.2015 г.; принята 28.10.2015 г.

ТЕСЛЯ Светлана Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры общей психологии и социальных коммуникаций Сочинского государственного университета (Сочи, Россия).

E-mail: Wayness@yandex.ru

EXISTENTIAL SETS OF LANDSCAPE-ORIENTED PSYCHOTHERAPY

Siberian journal of psychology, 2015, 58, 25-44. DOI: 10.17223/17267080/58/2

Teslya Svetlana N. Sochi state University (Sochi, Russian Federation)

E-mail: Wayness@yandex.ru

Keywords: subjectivity; being; environment; landscape; body; organism; subject of life; psychotherapy; individual; individuality; personality.

In this article, we offer the project of landscape-oriented therapy in the context of a practicing psychologist's tasks. Actual issues that a practicing psychologist faces, such as the relationship between "environment" and "landscape", the meaning of the term "landscape", correlations of landscape and specific subjects of therapy, and the logistics of communication between a therapist and a client, are solved in the context of existential sets of humanistic psychotherapy. We make the interpretation of the environment as a field of relationships of a

person subjectified in subjectivity (understood as a person's ability to produce a "place of life"). We introduce the term "the place of life" as a semantic unit of landscape, and we specify it in the following statements. First, landscape is the view, an organizing image. Second, a body is an image of a person; his behavior, thoughts and feelings are his space of living. Third, subjectivity is the time, the logos-rhythm, the energy of the experience of living, that, at the end turns into an ideal form of landscape. Subjectivity has a meaning of environmental identification criterion and is able to translate the environment into the landscape due to the sense formation turned into a symbol. As a result, we define landscape as the space-time of the subject of life, his existence-world held together and outlined by subjectivity, and at the same time, coinciding with subjectivity, manifesting the subject of life in behavior, a thought, a feeling. We examine interrelated factors of landscape-oriented psychotherapy, based on the body problematisation in the sense of existentialism. These are the landscape factor; the path factor; the surprise factor; the non-verbal client's plan factor; the factor of metaphor; the factor of the conversation between "two strangers"; the factor of client's life experience; and the factor of archetype.

References

1. Teslya, S.N. & Isachenko, A.Yu. (2012) *Struktura psikhologicheskoy modeli sub"ektnosti sotsial'nogo sub"ekta (PMSS)* [The structure of the subjectivity psychological model of the social subject (PMSS)]. In: Teslya, S.N. & Shuvanov, I.B. (eds) *Psikhologiya opasnosti i bezopasnosti: v 2 kn.* [Psychology of danger and safety]. Book 2. Sochi: Sochi State University.
2. Toporov, V.N. (1993) *Ob indoevropeyskoy zagovornoy traditsii (izbrannye glavy)* [On the Indo-European incantations. Selected chapters]. In: Nikolaeva, T.M. (ed.) *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kul'tury. Zagovor* [Research in Balto-Slavic spiritual culture. Incantation]. Moscow: Nauka. pp. 3-104.
3. Katsyuba, L.B. (2009) *Svoeobrazie natsional'no-kul'turnykh modeley stroeniya paremiologicheskogo teksta* [The peculiarity of the national-cultural models of the structure of the paremiological text]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika – Bulletin of the South Ural State University. Linguistics*. 25. pp. 11-17.
4. Maykov, L.N. (1994) *Velikorusskie zaklinaniya* [The Great Russian spells]. St. Petersburg: European House Publ.
5. Lawley, J. & Tompkins, P. (2005) *Metaphors in mind: Transformation through symbolic modelling*. London: Crown House Pub Ltd.
6. Anon. (2008) *Simvolicheskoe modelirovanie* [Symbolic modeling]. [Online] Available from: <http://gnosis.info/index.php?q=node/2823>
7. *Video*. [Online] Available from: <http://video.yandex.ru/users/olegmatv/tag/>
8. Kozhevnikov, V.M. & Nikolaev, P.A. (1987) *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar'* [Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
9. Kalashnikova, L.V. (2006) *Metafora kak mekhanizm kognitivno-diskursivnogo modelirovaniya deystvitel'nosti (na materiale khudozhestvennykh tekstov)* [The metaphor as a mechanism of cognitive-discursive reality simulation (based on literary texts)]. Philology Doc. Diss. Orel.
10. Lakoff, G., Johnson, M. (1990) *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafor* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress. pp. 387-415.
11. Alekseev, K.I. (1996) *Metafora kak ob"ekt issledovaniya v filosofii i psikhologii* [Metaphor as an object of study in philosophy and psychology]. *Voprosy psikhologii*. 2. pp. 73-85.
12. Ricoeur, P. (1990) *Metaforicheskiy protsess kak poznanie, voobrazhenie i oshchushchenie* [Metaphorical process as cognition, imagination and a sense of metaphor]. In: Arutyuno-

- va, N.D. (ed.) *Teoriya metafor* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress. pp. 416-434.
13. Arutyunova, N.D. (1990) Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafor* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress.
 14. Il'ichev, L.F. et al. (eds) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopaedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
 15. Black, M. (1990) Metafora [The Metaphor]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafor* [The theory of metaphor]. Moscow: Progress. pp. 153-172.
 16. Matveev, O. (2008) *Chto takoe simvolicheskoe modelirovanie* [What is symbolic modeling]. [Online] Available from: <http://ability.org.ru/index.php?showtopic=1066>.
 17. Matveev, O. (n.d.) *Pure Language*. [Online] Available from: http://www.knowhowmed.org/service_clear_language.php.
 18. Jacobson, R. (1987) *Raboty po poetike* [Works on Poetics]. Moscow: Progress.

Received 15.10.2015;

Accepted 28.10.2015